

института выборов. Среди участников дворянских съездов, многие из которых не осознали значение дарованного им верховной властью права голоса, стала заметной тенденция перехода от сервильности, когда бескорыстно голосовали за кандидата «власти», поддержанного губернатором, предводителем или богатым помещиком, к коррупции, когда избиратели откровенно продавали голоса заинтересованным кандидатам.

Вместе с тем импульс, исходивший из предоставления Екатериной II избирательных прав («привилегий») дворянству, был достаточно сильным для того, чтобы немалая его часть восприняла декларированные императрицей идеи. Вначале отдельные дворяне, а затем группы, не желая мириться с электоральной фальсификацией, стали использовать разные способы борьбы с этим явлением. Правительство же нашло свой ответ на вызов, брошенный ростом подобных правонарушений, – резкое повышение имущественного ценза для обладания активным избирательным правом. Однако такое решение шло вразрез с мировой тенденцией распространения избирательных прав на новые слои населения: так, в Англии в результате реформы 1832 г. электорат вырос с 400 до 650 тыс. человек (более чем на 60%)⁴³, а в России тогда же электорат дворянских выборов сократился примерно вдвое.

⁴³ Phillips J.A., Wetherell Ch. The Great Reform Act of 1832 and the Political Modernization of England // American Historical Review. 1995. Vol. 100, p. 413–414.

**«Набрать поболее дамских уполномочий»:
участие дворянок в сословных выборах в России в первой
половине XIX в.
(по материалам Рязанской губернии)**

Елена Корчмина

«To collect more ladies' votes»: noble women's participation in the gentry's elections of the first half of the nineteenth century (Ryazan region case)

Elena Korchmina (National Research University Higher School of Economics, Russia)

«Другое средство увеличить силу партии – это набрать поболее дамских уполномочий. Для этого задолго ещё до выборов головы партий и их деятельные сподвижники принимают всяких стодушных помещиц. Это большею частью старые девицы или вдовы. К живущим в деревнях едут сами, даже делают новые знакомства, действуют на них через родных, на страх ханжей чрез попов, рассыпают пред ними в любезностях, уверяют в преданности к ним и

© 2015 г. Е.С. Корчмина

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Автор благодарит сотрудников Государственного архива Рязанской обл. (далее – ГА РО), Государственного архива Липецкой обл. (далее – ГА ЛО), РГАДА за помощь в сборе материалов, а также В.С. Дубину, В.Е. Борисова, М.А. Кисёлева, М.Б. Лавринович за ценные замечания.

в святости своего дела и затем получают от них бланковые письма, в которых оставляется только пробел для вписания имени и отчества милостивого государя, кому представлен в распоряжение шар. Если же барыни живут в столицах или в отдалённых губерниях, то стараются приискать человека, чрез которого можно было бы выманить бланк. Всё это иногда стоит значительных хлопот и расходов, но честолюбцы ничего не жалеют»¹. Эти манипуляции во время дворянских выборов, описанные В.В. Селивановым, стали возможны благодаря избирательному закону 1831 г., по которому помещицы, имеющие более 100 душ, получили право передавать свой избирательный голос близкому родственнику или, в случае его отсутствия, другому лицу мужского пола. Данный закон подтвердил права дворянок, приобретенные ими ещё по Екатерининскому манифесту 1766 г., с учётом вновь введённого имущественного ценза.

В этом отношении Россия – пример малоизвестный, хотя не уникальный. Так, в некоторых землях Германии женщины в первой половине XIX в. имели активное избирательное право, «ибо право участия в выборах напрямую связывалось с наличием определённого имущества, и поэтому, независимо от пола, собственник наделялся правом голоса»². Немецкие женщины, так же как и дворянки в России, пользовались своим правом только через родственников-о мужчин. Но в целом вплоть до конца XIX в. положение женщин Европы можно описать как «гражданское бесправие». «Несмотря на демократические революции и политические реформы 1780, 1790, 1840, 1860 и 1870-х гг., женщины не принимали формального участия ни в политике, ни в государственной жизни до конца XIX века»³.

В данном контексте сложно понять, почему феномен избирательных прав российских дворянок не вызывал живого интереса исследователей⁴. Ведь он означал, что женщины в Российской империи получили одно из базовых гражданских прав, причём власть пошла на дарование этого права по собственной инициативе без широкого обсуждения в обществе «женского вопроса», как бы ни понимался этот термин применительно к России XVIII–XIX вв. По всей видимости, главная причина столь слабого интереса к этому сюжету кроется в том, что, как писал А.В. Флоровский, голоса дворянок «были в сущности пустыми, так как редко когда дворянка выставяла кандидатов и значит выступала активно в деле выборов, хотя количество голосов “дамских персон” было значительным»⁵. В данной статье я попробую поставить вопрос о роли

¹ Сочинения Василия Васильевича Селиванова. Т. 2. Владимир, 1902. С. 211.

² *Боков Ю.А.* Избирательные права граждан германских государств в первой половине XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9. Исследования молодых учёных. 2006. № 5. С. 52–59.

³ *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 242–243.

⁴ Об этом пишут редко и немногословно. См., например: *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие. 1762–1855. СПб., 1906; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 234–235; *Флоровский А.В.* Состав Законодательной комиссии. 1767–1774. Одесса, 1915; *Минникес И.В.* Выборы в российском государстве в XVIII веке: историко-правовое исследование. Иркутск, 2006. С. 97–99; *Ульянина Е.А.* Правовое положение женщины высших сословий в России в конце XVIII – первой половине XIX в. в оценке историков права // Проблемы истории российской цивилизации: Сборник научных статей. Вып. 1. Саратов, 2004. С. 51–59; *Ильин А.В., Карамышев О.М.* Юридические основания сословных корпораций дворянства в великорусских губерниях Российской Империи. Краткий историко-правовой обзор // История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития. СПб., 1996.

⁵ *Флоровский А.В.* Указ. соч. С. 256.

женских уполномочий в дворянских выборах и рассмотреть, какие возможности предоставлял дворянкам закон и насколько они пользовались имеющимся у них правом. Основным источником статьи стали архивные материалы, преимущественно относящиеся к Рязанской губ.

Манифест 14 декабря 1766 г. в России даровал дворянкам, владевшим деревнями, право присылать в уездный город письменные отношения, в которых они могли выражать пожелания по поводу выборов депутатов в Уложенную комиссию и предложения по поводу наказов или поддерживать решения, принятые на собрании дворян: «Женщины же дворянки, владеющая своими деревнями, пришлют таковыяж письменныя объявления на срок, а от приезда в город они увольняются. Кто же из дворян не приедет в означенный срок или который дворянин или дворянка письменно не отзовется, как предписано, тот лишится своего в сем деле голоса, а выбор производить без него и без его на то согласия; и он ни в предводители, ни в депутаты выбран быть не может». При этом на выборах предводителя заочные отзывы мужчин и женщин во внимание не принимались. Вновь избранному предводителю передавались присланные заранее письменные «отзывы», как мужчин, так и женщин, которые должны были причисляться к голосам присутствующих выборщиков. По окончании выборов имена всех, кто принял очное и заочное участие в голосовании, записывались⁶.

На указ 1766 г. ссылались при выборах предводителя в 1766–1775⁷. В Учреждении о губерниях 1775 г. было прямо указано, что избрание должно осуществляться на «основании депутатского выбора 1766 года»⁸. Статья 64 Жалованной грамоты дворянству 1785 г., согласно которой неслуживший дворянин не имел права голоса, вроде бы автоматически исключала женщин из числа выборщиков. Но показателем службы являлись чины, а замужние женщины приобретали чины своих мужей, что гипотетически по-прежнему давало им право участвовать в выборах. Однако данных о таком участии после избрания депутатов Уложенной комиссии в нашем распоряжении нет.

26 октября 1831 г. на одном из последних обсуждений текста нового закона о выборах адмирал Н.С. Мордвинов внёс в проект поправку, в соответствии с которой дворянки получали право передавать свой голос близким родственникам. Она не встретила серьёзных возражений и была включена в итоговый документ⁹. В результате в отличие от предшествовавшей нормы 1766 г. закон от 6 декабря 1831 г. чётко регламентировал институт избирательных прав по доверенности (уполномочию), которым могли воспользоваться все дворяне, удовлетворявшие имущественному цензу, в том числе женщины: «Дворянка, владеющая таким недвижимым имением, которое дает ей право участвовать в выборах, может право сие передать (родственнику), хотя бы лицо сие и не имело во владении своём в губернии недвижимого имущества... Если такого нет, то лицу стороннему»¹⁰. Как и ранее, участие женщин было именно правом, а не обязанностью, поскольку санкций за неприсылку письменных отзывов в 1766 г. и уполномочий после 1831 г. установлено не было. Закон не делал различия между женскими и мужскими уполномочиями. В нём не было и указаний и на то, как именно составлять уполномочия.

⁶ ПСЗ-I. Т. 17. № 12801. С. 1096.

⁷ Корф С.А. Указ. соч. С. 84–91.

⁸ ПСЗ-II. Т. 20. № 14392. С. 236 (примеч. к пункту 80).

⁹ Корф С.А. Указ. соч. С. 525–526.

¹⁰ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. 2. СПб., 1832. № 4989. С. 251.

На протяжении 1832–1863 гг. законодатель неоднократно разъяснял эту правовую норму. В 1832 г. в Высочайше утверждённом мнении Государственного совета специально оговаривалось, что право дворянок, передаваемое для участия в выборах мужу, сыну или зятю, «относится только к праву избирать, а не быть избираемыми». В 1836 г. уточнялось, что «дворянки..., участвующие в собрании чрез доверенные от них лица, должны быть внесены в родословную книгу губернии», а в 1838 г. – что дворянка в письме к уездному предводителю о лице, ею уполномочиваемом, должна сообщить, во всех ли делах собрания она доверяет ему за себя участвовать или только в выборах¹¹. Правом передачи голоса пользовались и те дворянки, которые не владели, а лишь управляли имением, находившимся в опеке, хотя порой это право и оспаривалось¹².

Земское положение 1864 г. распространило правила, в соответствии с которыми дворянки голосовали на сословных выборах, на всё женское население. На выборах в земства женщины, владевшие имуществом, передавали свои права по доверенности как родственникам, так и другим лицам¹³. Городовое положение 1870 г. в этом отношении повторяло Земское¹⁴. Далее этот принцип переключался в законы о выборах в Государственную думу 1905 и 1907 гг. Лишь в Финляндии в 1906 г. женщины получили право непосредственно участвовать в выборах.

Таким образом, согласно букве закона, дворянки с 1766 г. фактически получили активное избирательное право. Но в 1766 г. оно было непосредственным, поскольку в отзыве женщины могли указывать, за кого конкретно они голосуют. В 1831 г. это право стало опосредованным: право голоса передавалось мужчине, который голосовал с учётом устных пожеланий дворянки или по своему усмотрению.

Сложно однозначно ответить на вопрос о причинах появления рассматриваемых норм в российском законодательстве. По мнению Флоровского, «для императрицы Екатерины это право являлось следствием привлечь к делу организации Комиссии возможно большее число дворян»¹⁵. Те же мотивы всплывали и при разработке закона 1831 г. Но на мой взгляд, важнее было наличие у дворянок широких имущественных прав: после 1753 г. замужним женщинам был предоставлен контроль над их имуществом¹⁶. «В предреволюционном мире гражданством, то есть гражданскими и политическими правами, обладали только собственники имущества, платившие налоги, иначе говоря – главы семей», поскольку «в большинстве европейских стран женщины не могли владеть собственностью самостоятельно, следовательно, они не являлись гражданами», – справедливо указывает современный историк¹⁷. В России ситуация была иной.

Но насколько дворянки были заинтересованы в реализации дарованного им права? К сожалению, источники личного происхождения не помогают при ответе на этот вопрос. В мемуарах, дневниках, воспоминаниях и частной пере-

¹¹ Блосфельд Г.Э. Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901. С. 47, 50.

¹² ГА РО, ф. 99, оп. 1, д. 171, л. 1; д. 175, л. 22.

¹³ ПСЗ-И. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 40457.

¹⁴ ПСЗ-И. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. № 48498.

¹⁵ Флоровский А.В. Указ. соч. С. 256.

¹⁶ Маррезе М.Л. Бабые царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009. С. 68–69.

¹⁷ Абрамс Л. Указ. соч. С. 243.

писке активно обсуждались хозяйственные вопросы, но обходились молчаливым сюжетом, связанные с полномочиями. И это при том, что женщины регулярно присутствовали на выборах. «Во время дворянских выборов съезд в Смоленске был особенно велик, – пишет М.С. Николаева. – Мы (женщины. – Е.К.) были на хорах, когда шли дебаты. Шум и крик были такие, что ни слова нельзя было уловить»¹⁸. Этой практике посвящены стихи неизвестного поэта: «Другие глаз не сводят с хоров, // где верных множество супругов // И дочек их сантиментальных»¹⁹.

Попробуем определить, насколько наделение дворянок избирательным правом расширяло число выборщиков в 1766 г. и после 1831 г. У нас нет точных данных о числе женщин, владевших достаточным для участия в выборах имущественным цензом. Некоторые исследователи подчёркивают, что в сравнении с Европой доля женщин-собственников была в России велика. Так, по словам Д. Ливена, «специфической особенностью России является то, что из 127 крупнейших землевладельцев 36 (28.3%) были женщины»²⁰. М.Л. Маррезе считает, что «процент земельной собственности и крепостных крестьян в женском владении в России резко пошёл вверх с середины XVIII в., и со временем треть частновладельческих имений перешла в женские руки наряду с крестьянами и городской недвижимостью»²¹. Насколько достоверна эта цифра? Идеальным источником для изучения женской дворянской собственности в России являются ревизские сказки. Проведённый анализ гендерного аспекта дворянского землевладения для одного из уездов Рязанской губ. показал, что доля женской собственности предполагаемых 30% достигла к концу первой четверти XIX в. 50%, но количество дворянок, владевших цензом, достаточным для участия в выборах после 1831 г. (100 душ), составляло менее 15%²² (см. табл. 1).

В 1834 г. Раненбургский уездный предводитель дворянства сообщал, что в выборах непосредственно могут участвовать 50 дворян и 43 дворянки, а через уполномоченных – 85 дворян²³. В другом уезде Рязанской губ., Сапожковском, в 1841 г. непосредственное право голоса имели 32 дворянина и 21 дворянка, а 78 дворян могли выбирать через уполномоченных²⁴.

В какой мере дворянки пользовались своими правами? Ещё А.В. Флоровский писал, что количество голосов «дамских персон» при выборах депутатов Уложенной комиссии было значительным ($\frac{1}{5}$ всех отзывов)²⁵. Расчёты В.И. Веретенникова для того же периода показывают, что доля женских

¹⁸ Николаева М.С. Воспоминания Марии Сергеевны Николаевой // Русский архив. 1893. Кн. 3. Вып. 10. С. 195.

¹⁹ Дворянские выборы, характеристическая картина в 4-х главах. Соч. А...Ч... М., 1834. С. 1.

²⁰ Ливен Д. Аристократия в Европе 1815–1914. СПб., 2000. С. 63.

²¹ Маррезе М.Л. Указ. соч. С. 13.

²² См.: Корчмина Е.С. Ревизские сказки Рязанской губернии конца XVIII – первой половины XIX в.: возможности комплексного изучения истории дворянства // Актуальные проблемы кризиса науки и культуры. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 450-летию Вицебскага гарадскога права і 100-летию выдання першай кнігі зборніка «Полоцко-Віцебская старіна». Віцебск, 2011.

²³ ГА ДО, ф. 69, оп. 2, д. 74, л. 17.

²⁴ ГА РО, ф. 99, оп. 1, д. 81.

²⁵ Флоровский А.В. Указ. соч. С. 256.

Душеладельцы Раненбургского уезда в конце XVIII – первой половине XIX в.

Число владеющих крестьянами	1795 г.			1834 г.		
	Мужчины / %	Женщины / %	Всего	Мужчины / %	Женщины / %	Всего
100 душ и больше	29/9.51	24/7.87	53	49/15.08	45/13.85	94
Менее 100 душ	133 /43.61	119/39.02	252	117/36	114/35.08	231
Итого	162/53.11	143/46.89	305	166/51.08	159/48.92	325

Составлено по: ГА РО, ф. 129, оп. 7, д. 58–60, 61а, 62–63, 76–80; оп. 32, д. 112–121, 139–144; оп. 46, д. 133, 142, 144–147, 162, 167, 170, 171.

Число женских уполномочий по отдельным уездам в 1766 г.

Уезд	Число выборщиков	Число письменных голосов	Число женских голосов / %
Веневский	8	43	3/7
Зарайский	64	157	31/20
Звенигород		52	13/25
Каширский	32/38	323	61/19
Костромской	78/73	160	30/19
Козельский	23/37	63	17/27
Юрьев-Польской	12	53	6/11
Данковский	12	336	18/5
Ефремовский	17	102	21/21

Составлено по: Флюровский А.В. Указ. соч. С. 263–266. В таблицу включены только те уезды, в отношении которых Флюровский разделил письменные отзывы на мужские и женские. По прочим уездам он указал лишь одну цифру, не пояснив, означает ли она, что все отзывы были мужскими, или что эта цифра включает сумму мужских и женских уполномочий.

отзывов доходила до 25%²⁶, а в среднем составляла от 15 до 20% по уезду²⁷ (см. табл. 2).

Ситуация после 1831 г. слегка изменилась, но в целом активность дворянок при использовании своих избирательных прав была сопоставима с 1766 г. По данным на 1832 г., от Раненбургского уезда на выборы прибыло 18 дворян, которые имели 24 голоса. Из них 6 голосов было передано дворянками, при этом право на передачу, как отмечалось выше, имели 43 женщины²⁸. В 1847 г. доля женских уполномочий по ряду уездов Рязанской губ. составляла от 14 до 40%. (см. табл. 3).

Свидетельствуют ли эти данные, что женщины неохотно пользовались своим правом? Ответ в данном случае будет зависеть от оценки активности дворянства на сословных выборах в целом. Но, на мой взгляд, бесспорно, что женские голоса, по крайней мере в Рязанской губ., были значимы и могли влиять на результаты выборов.

²⁶ По данным А.В. Флюровского, до 27% (см. табл. 2).

²⁷ Веретенников В.И. К истории составления дворянских наказов в Екатерининской комиссии 1767. Харьков, 1911. С. 9.

²⁸ Корчмина Е.С. Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX века (на примере Рязанской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2010. С. 110–112.

Женские уполномочия в дворянских выборах в Рязанской губернии в 1847 г.

Уезд	Общее число выборщиков	Общее число голосов	Число собствен- ных голосов / %	Число женских уполномочий / %	Число других уполномочий / %
Сапожковский	14	15	9/60	6/40	0/0
Спасский	13	19	7/36.84	7/36.84	5/26.32
Рижский	17	24	13/54.17	7/29.17	2/8.33
Данковский	12	15	5/33.33	3/20	7/46.67
Михайловский	17	22	12/54.55	6/27.27	4/ 18.18
Пронский	18	21	10/47.62	3/14.29	8/38.1
Всего	91	116	56/48.28	32/27.59	26/22.41

Составлено по: ГА РО, ф. 99, оп. 1, д. 108.

Как формулировали и кому передавали женщины свои уполномочия? В 1850 г. в Рязанской губ. 12 голосов (33%) были переданы супругу, 4 (11%) – сыну, 5 (14%) – другим родственникам, 15 (42%) – лицам, не состоявшим с собственницей в родстве. Треть уполномочий передавалась в последний момент, буквально за неделю до выборов, и в этом случае, как правило, супругу²⁹. Уполномочия чаще всего были написаны писарским почерком и лишь изредка собственноручно. Единой формы этого документа не существовало. Чаще всего дворянка формально ссылалась на закон: «Передаю право своё на основании 59 и пункта 4 71 статей того ж устава, участвовать в предстоящих выборах и иметь голос во всех делах собрания Рязанской губернии мужу моему»³⁰. Иногда уполномочие адресовалось тому, кому передавался голос: «Я покорнейше прошу Вас на предстоящих сего года дворянских выборах располагать по Вашему усмотрению моим шаром как на уездных, так и на губернских баллотировках на основании имеющихся на то законных положений»³¹. Интересно, что порой помещицы считали нужным мотивировать передачу права голоса невозможностью лично участвовать в собрании: «Я должна бы явиться в собрание дворянства, но как я сама лично быть... не могу, то передаю своё право... мужу»³². Парадоксальность подобной формулы заключалась в том, что она подразумевала право женщины не просто наблюдать, а участвовать в собрании, хотя на самом деле такого права у неё не было. Объяснение, видимо, следует искать в том, что помещицы просто использовали утвердившиеся формулы написания такого рода документов.

«Мандат», который выдавали дворянки, говоря современным языком, не был «императивным». При этом, несмотря на разъяснения, нормы закона далеко не всем были ясны, что вызывало многочисленные конфликты. Так, в 1836 г. недовольный результатами выборов помещик Рязанской губ. Титов писал министру внутренних дел: «1. Полковница Коробьина передала право непосредственного участия в выборах князю Волконскому – лицу постороннему – тогда как она, имея мужа, не могла передавать своего голоса другому лицу и неприбытие мужа её на выборы ещё не давало ей право на сию передачу. 2. Равным

²⁹ ГА РО, ф. 99, оп. 1, 1850 г., д. 185.

³⁰ Там же, л. 1.

³¹ Там же, л. 13.

³² Там же, л. 6.

образом помещица Селиванова, передала свой голос родственнику своему Г. Селиванову, который ей ни муж, ни сын, ни зять. Если этот голос передан был Селиванову как лицу постороннему, то он не мог воспользоваться сим правом, ибо помещица Селиванова имеет сыновей, соединяющих вполне условия пар. 15, из которых один штабс-капитан Селиванов находился даже лично во время выборов в г. Рязани»³³. В целом, по мнению Титова, «голоса уполномоченных увеличивают собою число избирателей, и только значительная масса оных может противиться духу пронырства и партий»³⁴. В официальном ответе из МВД говорилось, что «дворянка могла передать право непосредственного участия в выборах любому дворянину, который бы отвечал требованиям закона», и «г-жа Коробьина, желая участвовать в положениях дворянства, может передать право сие лицу постороннему»³⁵. Некоторые формулировки такого рода документов раскрывают понимание современниками сути предоставленного помещицам права. В 1847 г. губернский предводитель дворянства писал министру внутренних дел Л.А. Перовскому, что на выборы в губернский город приехало пять исправников, но сразу после открытия собрания губернатор отправил их по своим уездам для сбора недоимок. В результате «пять уездов лишились избирателей, а некоторые и двух, потому что трое из тех исправников имели доверия от дворянок, кои также лишились чрез это дарованного им права участия в делах собрания». Предводитель настаивал на необходимости указать администрации, «дабы дворяне и состоя на службе не теряли право выбора, как собственного, так и по доверенности и уполномочию, – лишение такого права было бы совершенно противно существующим узаконениям»³⁶.

Эти конфликты, на мой взгляд, подтверждают вывод о том, что число женских уполномочий было значимо и влияло на результат выборов. Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что участие дворянок в сословных выборах нуждается в дальнейшем изучении. В частности, возникает вопрос о том, в какой мере оно способствовало развитию женского движения и более активному участию женщин в экономической и общественной жизни страны. Как указывает Л. Абрамс, «во Франции и Британии попытки женщин встроиться в систему правовых отношений не имели результатов... так как структура политических институтов отвергала участие в них женщин»³⁷. В России такие объективные ограничения были существенно менее значительными.

³³ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2032. л. 4 об.–5.

³⁴ Там же, л. 5 об.

³⁵ Там же, л. 8–8 об.

³⁶ Там же, ф. 99, оп. 1, д. 108, л. 19–20.

³⁷ Абрамс Л. Указ. соч. С. 250.